

Мои любимые сказки

Алёна Бессонова

Алёна Бессонова

Мои любимые сказки

«Издательские решения»

Бессонова А.

Мои любимые сказки / А. Бессонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741871-7

Если бы у вас была «волшебная палочка», чтобы вы попросили? Я, например, попросила, чтобы животные умели разговаривать. Не всегда, конечно, только на часок.. А когда сбылось... Ух, сколько я наслушалась от них историй весёлых и грустных. Мне очень захотелось тебе их рассказать. Они здесь, в этой книге.

ISBN 978-5-44-741871-7

© Бессонова А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Сказки о тех, кто чешет лапой ухо	6
О кошке и собаке	6
О кедре и бобре	9
О волке и зайце	12
О коте и ките	15
О кабане и свинке	17
О земляном червячке и гусенице	20
О Полкане и лебеде	22
О кроте и кролике	25
О белом грибокe и белке	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мои любимые сказки

Алёна Бессонова

Дизайнер обложки Алёна Бессонова

© Алёна Бессонова, 2020

© Алёна Бессонова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-1871-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Сказки о тех, кто чешет лапой ухо

О кошке и собаке

Кошка по прозвищу Дунька лежала на самом краешке крыши одноэтажного дома. Казалось, она легла погреться на солнышке и нечаянно заснула. На самом деле, это было не так. Дунька притворялась спящей: с неё уже стекал седьмой пот, и шерсть накалилась так, что сил не было терпеть, а спать вовсе не хотелось, хотелось есть!

Еда была, но не у неё. Еда стояла у собачьей будки. Из миски тянуло тёплым парком и нестерпимо пахло. Пахло вкусным свежесваренным мясом! Кошка ждала момента, когда можно будет выхватить из миски кусок и хоть немножко поприжать голод. От голодухи болел живот, и что хуже всего – он урчал, с каждым часом всё громче и громче.

– За что? – думала Дунька. – За что, со мной так?! Почему эту чёрную лахудру кормят, а меня нет?

Под лахудрой кошка подразумевала громадную собаку породы чёрный терьер. Дунька лукавила, она знала, почему её не кормят. В один из дней кошка перестала ловить мышей. Тогда хозяин отказался её кормить. Не нравились кошке сырые мыши! Мало того, невкусные, так ещё нужно гоняться за ними по всему подвалу.

– Лахудре миску ставят прямо под нос! – с возмущением думала кошка Дунька, и от злости хвост её покрывался мурашками, – Я почему-то должна добывать пропитание сама! Почему? Чем я хуже лахудры?

У Лахудры тоже было имя, хозяева звали её Тоськой. Она была не просто огромная, а огромная, с длинной чёрной кудрявой шерстью по всему телу, и даже на голове, отчего совершенно не было видно глаз. Невозможно было понять – наблюдает Тоська за кошкой или нет. Иногда, казалось, что нет. Тогда Дунька тихонько подкрадывалась к миске и тут же получала лапой по морде. Так и ходила по двору от шишки до шишки, от синяка до синяка.

– Вот что ты делаешь, чтобы тебя кормили? – вопила кошка, после каждой оплеухи. – Лежишь себе, лахудра, и всё!

– Работаю я, – лениво отвечала Тоська, вытягиваясь во всю длину своего могучего тела.

– Кем ты работаешь? – возмущалась Дунька.

– Не кем, а чем! Видом своим работаю! – невозмутимо отвечала собака. – Видела, как хулиганы обходят наш дом? Тихонечко, по заборчику. Стараются меня не разбудить, не потревожить. Зато все фруктики на месте, деревья не поломаны. Помидорчики не сорваны. Свёколка и морковка в грядочках сидят. Хозяева довольны!

– У меня тоже вид угрожающий, – ворчала кошка. – Я вся задрипанная, облезлая, невытая, нечесанная! Тоже не всякий осмелится подойти... Однако, меня за это не кормят...

– Ладно! – смилостивилась собака. – Иди оближи миску...

Дуньке и это в радость, и это сгодится! Правда, летом! Летом можно ещё где-нибудь подхарчиться, например, в поле зерна свежего погрызть, семечек мягоньких прямо из подсолнуха полугзгать. Но сейчас на дворе стояла осень, скоро объявится зима. Зимой не забалуешь. Под драной кожей кошки ни грамма жира, значит, греть себя нечем. Зиму кошке не пережить, и дом её не пускали.

Однажды Дуньке всё-таки удалось подойти к миске, так что собака не услышала. Тоська лежала, закрыв глаза, и тяжело дышала.

– Спит! – решила кошка, и начала с жадностью поглощать еду. – Как вкусно, как вкусно! Дрыхни, дрыхни, – нервно думала кошка, проглатывая большие куски мяса.

– Не дрыхну я, – тихо сказала собака, будто услышала мысли Дуньки. – Болею, совсем плохо...

– Может, ты умрёшь? – оживлённо мяукнула кошка. – Класс! Вся еда достанется мне!

– Глупая ты, Дунька, – еле слышно прошептала Тоська. – Я умру, никакой еды не будет! Не будет меня, не будет будки, не будет и миски...

– Так, так, так, – задумалась кошка и почесала оборванное ухо. – Точно! Помрёт собака, и миску с едой хозяева уберут, тут и я от голода сдохну. Надо лахудру лечить!

Дунька мигом полетела в поле, там она собирала лечебные травки. Уж, что-что, а болезни кошка врачевать умела. Главное, ведала чем. Каждую травинку знала, какая от какой болезни помогает. Принесла кошка Тоське целую охапку травы, положила перед мордой.

– Ешь! – громко и твёрдо приказала Дунька. – Трава лечебная!

– Не ем я траву! – заартачилась Тоська. – Не травоядная!

– Ешь, говорю! – затопала лапами кошка.

Собака нехотя съела охапку травы, через минуту открыла глаза, попросила:

– Тащи ещё!

Десять раз гонялась кошка в поле. С такой бешеной скоростью носилась, сама себе удивлялась – откуда что берётся? Всё боялась опоздать, тревожилась не успеть. На десятый раз прибежала и легла. Устала.

Собака травы наелась – встала, походила немного, потрясла шерстью.

– Знаешь, Дунька, полегчало! – удивлённо сообщила Тоська. – Выходит, ты меня вылечила?! Выходит, я тебе жизнью обязана?!

Кошка не ответила – уснула, уморилась очень.

– Поспи, поспи, – ласково проурчала Тоська. – посторожу! – Она примостилась рядом с Дунькой, прошептала ей в ухо, – теперь всю еду делить будем пополам!

Последнюю фразу Дунька услышала сквозь сон, улыбнулась. Теперь за своё будущее она была спокойна.

Зима, как всегда, пришла неожиданно. Кошка на чердаке замёрзла. Утром спустилась к собаке позавтракать. Двор был белый, белый. У будки парила вкусным духом миска с мясом.

– Тебя жду, не ем, – сказала Тоська. – Замерзла? Полезай в будку, здесь теплее, будем друг дружку греть! И кто это сказал, что кошки с собаками не дружат? Ещё как дружат! – подумала Тоська и лапой поплотнее прижала к себе Дуньку, – пусть погрется, бедовая, совсем озябла...

О кедре и бобре

Молодой кедр в лесу был всеобщим любимцем. Почему? Давай загибать пальчики, почему? Первое, потому, что был молод и строен. Второе, потому, что здоров и не кряхтел, как старые деревья. Третье, потому, что под его тенью любили отдыхать лесные жители – лоси, медведи, лисы и другие мелкие и крупные звери. Четвёртое, потому, что кедр приглашал в гости всех желающих полакомиться его вкусными орешками. И пятое, кедр выращивал птичьих детёнышей. Их родители с удовольствием селились на его могучих ветках и плели гнёзда. Можно ещё долго загибать пальчики, почему кедр любили в лесу, но мы на этом остановимся. Тем более, что пальчики на ладошке уже закончились.

Кедр считал, что ему повезло – он вырос в тихой речной заводи, вдали от людей. Людей он боялся.

Когда кедр был ещё зёрнышком, его мама рассказывала о людях с топорами и пилами. Они прибегали в лес и начинали пилить деревья. Затем они укладывали сваленные стволы на шумные машины и увозили. Больше бедняг никто не видел. Мама кедра не хотела сыночку такой участи, поэтому упростила ветер занести своё зёрнышко подальше от людских троп. Так кедр попал сюда, в начало большой реки, и был этому очень рад.

Однажды ранним утром, кедр услышал, как рядом с ним упало дерево. Кедр открыл сонные глаза, но ничего не увидел. Туман стоял густой пеленой. Через некоторое время он опять услышал стук падающего ствола. Сердце кедра бешено застучало – неужели пришли люди с топорами? Но нет, стука топоров он не слышал, а деревья продолжали падать.

- Кто здесь? – тихо спросил кедр.
- Я, – также тихо ответил кто-то.
- Ты, это кто?
- Я – это бобёр! – опять ответил кто-то.
- Что ты здесь делаешь, бобёр? – ещё тише спросил кедр.
- Строю запруду для своих малышей, – ещё тише ответил бобёр.

- Что такое запруда? – продолжал спрашивать кедр.
– Вот сейчас, – неожиданно громко и весело заговорил бобёр. – Нагрызу стволы, перегорожу реку, будет у меня свой бассейн. В нём я поселю своих бобрят.
– Зачем же ты грызёшь молодые деревья? Им ещё расти, и расти, – удивился кедр. – В лесу сухих деревьев полно...
– Я не лошадь издали тащить сушняк? – проворчал бобёр. – У меня под носом деревьев полно. Подумаешь, погрызу маленько! Другие вырастут. Посмотришь, уже этой осенью всё зарастёт...
– Зарастёт то, зарастёт, но эти деревца умрут, – тяжело вздохнул кедр.

Бобёр вылез из воды, обошёл кедр вокруг, внимательно его осмотрел.
– Ты мне тоже подходишь! – уверенно сказал он. – Тобой я закончу строительство плотины.

Кедр не испугался, нет. Ему просто захотелось взглянуть в глаза бобру, но тот быстро шмыгнул в воду. В зарослях послышался шум. Кто-то гулко шёл, ломая прибрежные кусты. Медведь! Это был медведь! Он только что проснулся после зимней спячки и был страшно голоден.

- Привет, дружище кедр! – рыкнул медведь сонным голосом. – Вот, пришёл, рыбки половить. Как ты думаешь, она уже поднялась со дна?
– С добрым утром, Михалыч! Не видел ещё. Не плескалась!
Медведь по пояс зашёл в воду и начал лапами шарить по дну:
– Холодновата водица, – заметил косолапый. – Думаю, ничего не наловлю. Есть хочется... Тут его взгляд упал на бобра, тот вылез любопытничать.
– О! – воскликнул медведь радостно. – Тебя – то я и съем!
Не успел бобёр моргнуть, как медведь оказался рядом с ним.
– Всё! – подумал бобёр. – Конец мне пришёл!
Бобёр зажмурил глаза. Приготовился умирать.
– Ать ты! – услышал он сквозь страх голос медведя. – Ничего себе! Ты чего дерёшься, кедр?!

- Кедр, что было сил, ударил медведя веткой по голове.
– С ума сошёл, косолапый! – закричал кедр. – У бобра дети маленькие!
– У меня тоже маленькие. Они есть хотят! – обиженно проворчал медведь, потирая лапой шишку на голове.
– Они любят кедровые орешки? – спросил кедр.
– Они любят! Но я за ними на тебя не полезу. Оголодал за зиму, силы не хватит!
– Кукушка! – позвал кедр. – Принеси-ка мне, вон тот мешок, что в прошлом году туристы под берёзой бросили!

Кукушка быстренько сгоняла туда и обратно, и вручила медведю довольно большой мешок.

- Подставляй, медведь, мешок буду тебе орехи трясти!
Ветви кедра заколыхались, как при сильном ветре, с них обильным дождём посыпались кедровые шишки.
– Ну что! Хватит тебе мешка орехов? – спросил кедр.
– Хватит! – удовлетворённо крякнул медведь, взваливая нелёгкую поклажу себе на хребтину.
– Кончатся, ещё приходи!
Кедр увидел, как медведь, сгибаясь под тяжестью ноши, зашагал в лес, а бобёр поскакал в другую сторону.
– Ты куда бобёр? – закричал кедр. – Не бойся, он тебя больше не тронет!

– Я не боюсь! – услышал кедр голос удаляющегося бобра. – Я за сухим деревом побежал. Запруду достраивать надо! Больше не буду молодые деревца грызть, пусть растут! Они ведь тоже чьи-то детки... Лучше дружить! Правда?!

– Правда... – тихо ответил кедр. – Дружить оно приятнее будет, чем друг дружку грызть...

О волке и зайце

Заяц по прозвищу Косой бежал по лесу, петляя и затаиваясь. Он не просто бежал, он уходил от погони. Волк преследовал его с первого луча солнца. Сейчас солнечный диск висел прямо над головой, значит, погоня длилась целое утро. Скорость зайца больше, чем у волка, но в данный момент Косой начал задыхаться – он устал.

– Как надоело так жить! – грустно подумал заяц. – За что мне всё это? Почему я должен трястись от страха, съедят меня сегодня или не съедят? Почему каждое утро я должен рассматривать свою шкурку, достаточно ли она бела, не будет ли меня видно на снегу? Почему я боюсь каждого треска, каждого всплеска, каждого вздоха?

Заяц прыгнул в сугроб, и быстро работая лапами, зарылся в снег. Авось пронесёт! Ан нет! Дрожь в теле была так велика, что убежище разрушилось мгновенно и заяц стал виден как на ладони.

– Вперёд, Косой, вперёд! – крикнуло его трусливое сердечко, и заяц опять побежал.

– Сколько мне лет? – думал заяц. – Я не знаю, сколько мне лет! Зато точно помню, что уходил от лисы четыре раза, от волка – три, даже от кабана один раз убежал. Это только в этом году! Сколько мне лет, не помню! Помню все свои ночные страхи, все свои дневные горести, все свои утренние беды. Не помню ничего хорошего. Сам я прекрасное животное: никого не ем, не с кем не воюю, никого не пугаю. За что мне такая жизнь! Всё!

Заяц резко остановился и замер.

– Всё! – сказал он себе. – Сейчас заберусь на это дерево, если достанет, пусть съест!

Заяц поднялся по ветвям почти на самую верхушку, свернулся клубочком и затих.

– Как мне надоела такая жизнь! – думал волк, преследуя зайца. – Зачем бегу? Нажрался утром до отвала. Волчица принесла целую курицу, а всё равно бегу. Меня гонит инстинкт хищника, задрать, кого-нибудь, придушить! Я – вожак стаи, заслуженный волк большого леса

покорно подчиняюсь какому-то инстинкту. На кой мне сдался этот заяц?! Я даже есть не хочу! Или уже хочу?

Волк резко остановился, что бы понять, хочет он есть или нет? Понял, что не хочет и опять побежал вперёд.

– Беги, беги! – кричало волчье сердце.

Тьфу ты, ну ты! – разозлился волк, притормаживая перед высоким деревом, – буду ломать инстинкт! Пусть, лучше он мне подчиняется, чем я ему!

В это время рядом с деревом что-то хрустнуло. Волк поднял глаза и увидел два ствола охотничьего ружья. Самого охотника волк видел смутно. Стволы чётко. Чётче не бывает.

– Кранты тебе, старый дуралей, добегался! – подумал волк и закрыл глаза. В полной тишине волк услышал, как указательный палец охотника лёг на спусковой крючок.

– Ой-па! – крикнул охотник, когда ему на голову с дерева свалилось что-то тяжёлое. Выстрелить он не успел, успел упасть в обморок.

Заяц очнулся первым, именно он выпал на голову охотнику. Волка вывел из оцепенения резкий вскрик. Охотник не шевелился, ружьё тоже.

– Ты упал или прыгнул? – строго спросил волк.

– Ну, уж упал, я хорошо держался! – ответил заяц, мелко постукивая зубами.

– Чего прыгнул, я ж тебя сожру? – удивился волк.

– Представил, как тебе страшно и прыгнул! Ружьё страшнее зубов, от него не убежишь! – ответил заяц, пытаясь унять дрожь. – Если честно, мне надоело бояться, будь что будет!

– Похвально! – улыбнулся волк. – Уважаю! Ты знаешь, Косой, не бойся больше никого. Кто тронет, говори, что ты под защитой Вульфа, вожака волчьей стаи. Вульф, это я! Сейчас беги отсюда, вдруг охотник очнётся, ружьё-то рядом.

– Спасибо! – сказал заяц и помчался восвояси.

– Пожалуйста! – ответил волк и тоже пошёл прочь.

Прошла зима, потом весна, пожарило лето, прокатилась осень, выпала снегом новая зима.

Однажды, на лесной опушке, волк повстречал зайца. Тот лежал на пеньке, грел пузо.

Был он толстый и рыхлый. Косой явно слышал, как к нему подошли, но глаза открывать не спешил.

– Я под защитой Вульфа, – лениво сказал заяц. – Слышал?! Я под защитой Вульфа, вожака волчьей стаи!

Тот, кто подошёл не двинулся с места, тогда заяц открыл глаза.

– Чего разлёгся! – спросил волк. – Обленился совсем, растолстел, травы на зиму запас и лежишь?

– Здравствуй, Вульф, – приветливо улыбнулся заяц. – Извини. Не признал!

– Чего так разжирел? – строго спросил волк. – Бояться перестал? Не бегаешь уже? Жир не растрясаеть?!

– Забыл я, как бояться, – лениво ответил заяц. – А ты, я смотрю, такой же поджарый, стройный!

– Волка ноги кормят, – нахмурился Вульф. – Рискуешь, Косой! Съесть тебя не съедят – не посмеют! А вот сердце от ожиренья может лопнуть, не боишься? Работать не пробовал?

– Нет в лесу работы. Еды полно, а работы нет! – грустно ответил заяц.

– В секретари ко мне пойдёшь! – тоном не терпящим возражения сказал волк. – Портфель за мной таскать будешь. Иначе...

– Знаю, знаю, что иначе... – засуетился Косой, – где портфель? Куда тащить!

– Как куда? – вскинул мохнатые брови волк, – Вперёд! Всегда только вперёд!

Так они и бегают до сей поры – волк, как всегда впереди, за ним заяц с портфелем. Оба стройные и поджарые.

О коте и ките

Жил-был кот, ещё совсем не старый, но основательно потёртый. Почему потёртый? Потому что никому не нужный. Бездомный совсем. Вечно голодный. Собаками ободранный. Злыми людьми побитый. За что побитый? За то, что вороватый. Что кот воровал? Так еду! Ну и что? Всем есть хочется! Была бы работа, работал бы. Жилище выбрал себе кот неудачное. Коттеджный посёлок. Не знал кот никаких других мест на земле, потому как здесь родился, здесь и был выброшен на улицу. Дома стояли в посёлке богатые, подвалы цементом залитые, в полах ни одной дырочки. Нет дырочек, нет мышей. Даже мусорных баков в посёлке не было. Хозяева весь мусор в пакеты складывали, куда-то увозили. Куда не говорили, знал бы кот куда, нашёл бы. А так, нет мусорных баков, нет и пропитания. Совсем кот оголодал, жизнь стала ему не мила. Решил утопиться. Пошёл к реке, встал на обрыве, собрался уже броситься, но услышал голос:

– Ты кот, не балуй! Глупость всё это. Сейчас чёрная полоса, завтра будет белая.

Кот присмотрелся и увидел – из реки рыба голова торчит. Не сказать чтобы крупная, но и не мелкая. Так себе, средненькая голова.

– Говорят, рыбы немые? – удивился кот. – Говорят, они не говорят!

– Кто говорит-то? – спросила голова.

– Да, люди говорят!

– Откуда людям знать говорим мы или нет?! – в свою очередь удивилась рыба. – Если мы с ними говорить не желаем, это совсем не значит, что мы немые. Что мы от них хорошего видим, чтобы с ними разговаривать? Поймают – съедят! Хищники они, ненасытные...

– Точно! – согласился кот. – Ты, вообще-то, кто?

– Я-то? Кит!

– Ки-и-ит? – ещё больше удивился кот и проскреб лапой затылок. – Для кита ты вроде маловат...

– Ты когда-нибудь китов живьём видел? – разозлился кит. – Или только на картинках...

– Не видел! На картинках тоже не видел, – ответил кот задумчиво. – Сдаётся мне, что киты крупнее и в реках не водятся.

– А где водятся? – спросил кит.

– Говорят, в океанах – неуверенно ответил кот.

– Океан ты видел? – продолжал настаивать кит.

– Не видел! – сознался кот.

– Вот и не мяукай зря. Океанов на земле не бывает, – уверенно сказал кит. – Моря есть. В них реки впадают. В океаны ничего не впадает. Тогда откуда они воду берут? Вот! Ниоткуда. Яма без воды что? Просто норка в земле. Норка не может быть океаном.

Кот минутку подумал и согласился.

– Наверное, ты прав, кит! Раз нет океанов, значит, ты кит. Тогда я буду не просто котом, а камышовым котом, я в камышах живу. Больше мне жить негде...

– Согласен! – сказал речной кит. – Я кит, а ты камышовый кот! Есть хочешь?

– Спрашиваешь! Я топиться пришёл, потому как голодный! – грустно сказал кот.

– По правде сказать, я тоже голодный кит, – грустно пробурчал кит. – Слушай кот, давай друг другу поможем.

– А как? – восторженно спросил кот.

– Ты червяков нарыть можешь?

– А-то! – воскликнул кот.

– Их в мокрой камышовой земле, видимо-невидимо! Нарой мне с ведёрочко, – попросил кит. – За это я тебе мелкую рыбку во рту принесу, всё равно её щука сожрёт!

Сказали и разбежались в разные стороны. Через недолгое время кит подплыл к берегу, там его ждал кот с ведёрком червяков. Обменялся кит с котом подарками. Оба очень довольны остались. Так и завязалась их дружба. Кот кормил кита, а кит кота. Как-то, однажды, пришёл раздобревший кот на берег с очередной порцией еды для кита. Пополневший кит тут, как тут:

– Хорош ты стал, кот, настоящий камышовый! – удовлетворённо сказал кит.

– Ты тоже ничего! Теперь больше на кита похож, а то так, пескарёв какой-то!

Полюбовались они друг другом и разбежались, расплылись в разные стороны.

– До ужина! – крикнул кот.

– До ужина! – подтвердил кит.

О кабане и свинке

Кабан выскочил из леса на асфальтовую дорогу. Дальше, через дорогу было овсяное поле. Кабан понял, там, в поле, ему не скрыться. Овёс был ещё не высок, а охотники уже близко. Кабан отчётливо слышал лай их собак.

– Назад нельзя! – подумал кабан. – Только вперёд! Может быть, повезёт, ямку в поле найду в неё и лягну.

Кабан нёсся по полю быстрее выстрелянной пули. Ни ямки, ни пригорочка, зато впереди виднелся кирпичный забор, а сзади охотники с собаками. Кабан перелетел через забор, как будто всю жизнь только и делал, что прыгал в высоту. Прыгнул и плюхнулся прямо в грязную лужу, да не просто в лужу, а на лежащего там домашнего свиного – борова.

Боров взвизгнул, взбрыкнул, вывернулся из – под кабана и стремглав помчался к себе в хлев.

Кабан выбрался из грязной лужи, отряхнулся.

– Б-р-р! Какая вонючая жижа, – заворчал кабан. – Я в лесу, конечно, моюсь в лужах, но там вода отстоялая, чистая, травами пахнет.

– Уж, какая есть! – услышал он позади себя голос. – Чем богаты, тому и рады. Тебя сюда никто не приглашал.

Кабан взъярился, ещё не увидев говорящего, обернулся и обомлел. Перед ним стояла бело-розовая свинка, молодая, чистенькая.

– За тобой гонятся охотники? – спросила она. – Идём, я укрою тебя в своём хлеву. Быстрее! Они уже у ворот!

– А хозяева твои не выдадут меня? – удивлённо спросил кабан.

– Хозяева в городе, здесь только сторож. Сторож без спроса, чужих в хлев не пустит. Быстрее! – сказала свинка и поспешила в свой дом. Кабан потрусил за ней.

В хлеву в углу лежал всё тот же боров, он недовольно посмотрел на свинку:

– Зачем привела? Ещё один едок? Я своего рациона уменьшать не собираюсь. Делиться будешь только своей едой!

– Успокойся! – миролюбиво заметил кабан. – Твою еду есть не собираюсь. Даже если будут заставлять.

– Тогда чего пришёл?

– Я прячу его от охотников. Ты, что не слышишь лай собак? – недовольно спросила свинка.

– Э нет... – заволновался боров. – Я в этом не участвую. Сейчас они сюда ворвутся, невзначай перепутают его со мной, стрельнут и поминай как звали. Не пойдёт! Пусть уходит!

– Он останется! – твёрдо сказала свинка.

В это время раздался громкий стук в ворота.

– Откройте! – донёсся повелительный голос охотника. – К вам забежал дикий кабан! Это опасно! Его надо пристрелить!

– Пусть он уйдёт! – завизжал боров. – Пусть он уйдёт!

Сторож нехотя подошёл к воротам, зевнул.

– Не видел я здесь никаких кабанов! Хозяев нет, пускать никого не велено. – Сторож ещё раз сладко зевнул и пошёл восвояси.

– Пусть он уйдёт! – опять завизжал боров. – Пусть он уйдёт!

– Замолчи! – строго приказала свинка.

– Откройте, немедленно! – не отставали охотники. – Слышите, как волнуются свиньи, у них кто то есть!

– Замолчи! – умоляюще попросила свинка. – Я отдам тебе всю сегодняшнюю похлёбку, только замолчи.

– И завтрашнюю, и послезавтрашнюю! – шёпотом сказал боров. Свинка утвердительно кивнула.

Сторож остановился у хлева, прислушался.

– Тихо тут! Никого нет! Сказал, не открою, идите прочь!

Охотники ещё немного пошумели у ворот, и ушли не с чем.

Кабан не успел выскочить из хлева, как за воротами опять послышался шум. Это приехали хозяева. Они открывали ворота, чтобы загнать машину во двор.

– Останься до вечера, – сказала свинка. – Когда всё улягутся спать, я тебя выпущу.

– Нет, спасибо! – сказал кабан. – Тебя накажут, лучше я побегу.

Но хозяева не собирались уходить, они остановились у дверей хлева:

– Знаешь, что? – послышался мужской голос. – Завтра к нам приедут гости, придётся заколоть свинку. Приготовь её с гречкой и яблоками. Сейчас отдохнём, а завтра поутру заколем...

– Да пожалуй, давай отложим до утра. Притомилась я... – согласился с ним тот, кто говорил женским голосом.

– Вот теперь, я останусь, – невесело бросил кабан.

– Ух ты, смельчак нашёлся! Что ты можешь сделать? – ухмыляясь, спросил боров. Он был рад – теперь вся похлёбка будет его и не только завтра, а всегда.

Кабан обошёл хлев, осмотрел стены.

– Эта стена куда выходит, во двор? – спросил кабан у свинки.

– Нет, – сквозь слёзы ответила свинка. – Эта стена выходит в поле, только всё будет напрасно, она толстая крепкая, тебе её не пробить!

– Не собираюсь, шуметь, – ответил кабан и начал рыть подкоп.

Он рыл всю ночь, не останавливаясь, источил до крови клыки, сбил копыта, но к рассвету увидел через подкоп небо.

– Пойдём, нам надо бежать, – еле шевеля языком, позвал кабан. – Скоро придут!

– Нет! – завопил боров. – Если она уйдёт, заколют меня!

Кабан собрал остаток сил, разогнался и сломанным клыком ударил борова прямо в лоб. Тот на мгновение отключился. Этого мгновения было достаточно, чтобы свинка вылезла через подкоп на волю, а за ней выскочил кабан.

Утро они встретили далеко в лесу.

– Вот моя нора, – сказал кабан, показывая глубокую яму под корнями дуба, – здесь, мы будем жить. Летом тут прохладно, зимой холодно. Другого жилища у меня нет. Пропитание придётся добывать самим, никто нам его не принесёт. Тебе не страшно?

– С тобой, не страшно! – тихо ответила свинка.

О земляном червячке и гусенице

Молодой червячок медленно полз глубоко под землёй. Он проделывал воздушные туннели к корешкам подшефных растений. Подшефных растений было много, целая грядка морковки и свёклы.

Червячок понимал, что без его туннелей земля заклёкнет, будет вязкой, как глина, и корешки растений задохнутся. Весь день и почти всю ночь червячок трудился, он мелко пережёвывал землю, выбрасывал из себя рыхлую, плодородную массу. Работать приходилось очень много, червячок уставал, но не прекращал трудиться. Лето самая горячая пора – зимой наотдыхаюсь, уговаривал себя червячок. Его всё устраивало, но было одно «но», которое не давало покоя. Он был одинок! Не совсем, конечно, одинок, рядом с ним всегда копошились другие червячки, его друзья. Всё равно это было не то, не было у него рядом Родной души. Маму свою он помнил плохо. Её ещё в детстве, вместе с большим куском земли на корнях молодой яблони, увезли в другой сад. Однако, мамины предостережения червячок запомнил на всю жизнь: «Никогда не выползай на поверхность земли, сынок, – говорила она. – Тебя могут раздавить сапогом»

Друзья червячка, иногда, выходили наружу. Когда возвращались, захлёб рассказывали о солнце. Червячку было интересно, он немного завидовал им. Но однажды любопытство, перемешанное с одиночеством, взяли верх.

– Надо выбраться на солнышко, – подумал червячок. – Может, посветлеет на душе?

И он выполз..

Какой хороший стоял день! Солнышко, только что проснулось. Оно умывалось. Утро было влажное и совсем нежаркое. Лёгкий ветерок шевелил листочки на деревьях. Червяк засмотрелся на цветущую яблоню.

– Какая красота... – блаженно улыбаясь, подумал он. – Какая красота! – закричал червячок, когда увидел на одной из веток дерева гусеницу.

Гусеница медленно ползла от цветка к цветку, лениво выгибая спинку. Она была великолепна! Её гибкое, покрытое нежными волосками тело, переливалось на солнце всеми оттенками зелёного перламутра. Червячок застыл, скованный неожиданно нахлынувшим чувством.

– Сударыня, здравствуйте! – тихо промолвил он, сухим от волнения ртом. – Сударыня, вы прекрасны!

– Привет, – небрежно бросила гусеница, не оборачиваясь.

– Как вас зовут, милая? – робко спросил червячок.

– Зачем, тебе, это знать? – пренебрежительно отозвалась гусеница. – Ты что, рассчитываешь на продолжительное знакомство?

– Я оч-ч-чень этого хочу, – запинаясь от волнения, сказал червячок.

Волоски на теле гусеницы затряслись от смеха.

– Ты? Ты? – спросила она. – Ты, чер-р-р-вяк! Разве ты это забыл? Разве ты не чувствуешь разницу между тобой и мной? Разве ты не видишь, где ты и где я! Мой мир – цветы и фрукты. Мой мир – бабочки и стрекозки! Твой мир грязная земля и навоз! Навоз! Фу-фу-фу!

– Навоз, разве это так уж плохо? – растерянно спросил червячок. – Навоз помогает земле выздороветь. Он лечит её. Без него земля умрёт. Мёртвая земля ничего не родит! Мёртвая земля – это пустыня. В пустыне не растут деревья. Но ведь если нет деревьев, нет и цветов. Где же ты будешь жить, если не будет цветов?

Гусеница хитро сощурила глазки:

– Ты не позволишь земле умереть, червяк? Правда, ведь не позволишь?

– Никогда! – решительно ответил червячок. – Пока я жив, земля будет жить!

– Вот и славно! – тихо сказала гусеница. – Иди себе работай! Я ещё не позавтракала, съела всего десять завязей!

– Ты что, ешь молодую завязь? – удивился червячок. – Ты убиваешь деревья?

– Подумаешь, деревья! – выгнула красивое тельце гусеница. – Деревом больше, деревом меньше. Посадят ещё!

В это время к червячку подбежала девочка, дочка хозяина.

– Папа, смотри червячок! – закричала она и взяла его на ладошку.

– Смотри не повреди его, дочка, – отозвался отец. – Видишь, какой большой. Труженик! Смотри, как хорошо он разрыхлил землю на грядке. Будет этой осенью урожай. Будет! И всё благодаря ему и его друзьям.

Девочка бережно опустила червячка на землю.

– Пойди, дочка, принеси ведёрко со сладкой водой, надо подкормить маленьких тружеников, они заслужили.

– А мне! – громко закричала гусеница. – Мне тоже сладкой воды, немедленно! Мне первой!

Хозяин стряхнул вопящую гусеницу на землю и придавил её сапогом.

– Какая мерзкая, быр-р-р, – поёжилась девочка. – Смотри, папа, сколько цветков объела?

Червячок не стал слушать, что ответил хозяин дочке. Гусеница презирала землю, его любимые деревья, она была его врагом! И всё-таки ему было её жаль.

Отведать сладкой водички на грядку выскочили друзья червячка. Они устроили пир горой.

– Сударь, это вам мы обязаны сладким угощением? – спросила червячка молодая червячиха. – Давайте знакомиться, мне очень приятно!

– Мне тоже – смущаясь, ответил молодой червячок.

Теперь друзья были за него спокойны, он не будет одинок.

О Полкане и лебеде

Большая лохматая собака, по прозвищу Полкан, был не кровожаден. Он просто не любил, когда вторгались в его владения. Увидев непрошеного гостя, Полкан не сразу вскакивал и бежал. Сначала он высматривал врага, оценивал его наглость. Может быть, пришелец, нечаянно заскочил в его двор. Убедившись в преступных намерениях гостя, нападал. Нападал качественно, без суеты, без лая. Полкан хватал врага за хвост, раскручивал его владельца, как вентилятор раскручивает свою вертушку, и с силой швырял за забор. Через секунду раздавался «шлёп» и наступала тишина. Тишина длилась недолго, барабанная дробь убегающих лап, разрушала её сразу же после «шлёп». Побывав, однажды, во дворе Полкана, непрошенные гости больше не возвращались. Полкан жил скучно, без приключений. Хозяин на утренней зорьке выпускал собаку погулять. Пёс бегал к озеру. Он любил смотреть, как взлетают утки, иногда пугал их сам. Посмеивался, когда те со страху начинали кричать как вороны, попусту хлопать крыльями, кувыряться в воде, задевая камыши. Иногда Полкан заходил в воду по грудь и смотрел:

– Зачем я родился собакой? – думал он. – Хожу по двору, потягиваю маленько, скучно! Родился бы птицей, летал бы, не приземляясь. Всё повидал бы. Везде сунул нос. Интересно!

Возвращаясь, домой, Полкан укладывался в будке, закрывал глаза и представлял себя птицей. Птицей он всегда кружил вокруг озера, ничего другого он представить себе не мог.

Не был нигде вот и не мог.

Однажды, как всегда на рассвете бегал Полкан у озера и неожиданно услышал в камышах возню, учуял запах тёплой крови. Всего два прыжка потребовалось псу, чтобы увидеть как лиса, прикусив крыло молодого лебедя, уже почти добралась до его горла.

– Ах ты, негодяйка! – зарычал Полкан.

Он хватил лису за хвост, раскрутил и своим излюбленным приёмом, бросил её на середину озера. Лиса рыжим факелом пролетела несколько метров и плюхнулась в воду. Через мгновение на поверхности озера появилась её злая морда:

– Я все равно доем эту курицу! – ощерилась лиса, показывая тонкие острые зубы – Тебе, дворняжка, тоже несдобровать, жди!

Она выбралась на берег и потрусилась в лес, на ходу выплёвывая ругательства.

Полкан осмотрел покусанное крыло лебеда, спросил:

– Что же ты так неосторожно подпустил к себе лису, сынок?

– Утки взлетали, – грустно ответил лебедь. – Под шумок подкралась!

– Дай, я полижу тебе крыло. Собачья слюна лечебная. Рана быстро затянется.

– Напрасно, – обречённо вздохнул лебедь. – Скоро зима. Улететь не смогу. Замёрзну. Или умру от голода. За помощь спасибо тебе, добрый пёс...

– погоди, сынок, неотчаивайся! – заметил Полкан. —Сейчас сбегаю кое куда и вернусь!

Дома в кладовой, Полкан схватил мешок с сухарями, побежал обратно на озеро в камыши. Хозяин не остановил его. Он верил своей собаке, напрасно она не уйдёт, а ушла – значит надо. Они были друзьями.

Теперь каждый день Полкан вылизывал лебедю раненое крыло. Кормил его размоченными в воде сухарями, сторожил. Лебедь день ото дня крепчал, а Полкан тощал. Бросить птицу Полкан не мог, лиса была рядом, пёс чуял её. Утром попьёт водички из озера, на том и поел. Зато по ночам, положив голову на лапы и жмурясь от удовольствия, слушал Полкан рассказы лебеда, об удивительных странах, о синих морях, об океанах, о диковинных рыбах, о гривастых собаках – львах, о полосатых кошках — тиграх, о жирафах с длиннющей шеей, о лошадях в полосочку – зебрах. Слушал и дивился как будто сам побывал в тех далёких странах.

Так дожили они до конца осени. Она засыпала землю жёлто-красными листьями, и собралась уходить. На землю спустились белые мухи – снежинки. Вода у берега затянулась ледком.

– Мне пора, отец! – грустно сказал лебедь – По утрам замерзаю, боюсь, не взлечу!

Полкан прослезился. Наконец – то, белая птица признала в нём родную душу.

– Лети сынок! Возвращайся! – Полкан подтолкнул лебеда к воде. Сил не было провожать его дальше.

Лебедь расправил крылья и уже почти взлетел, как из зарослей камыша на него кинулась лиса. Не могла она не расквитаться за обиду. Ждала, когда собака совсем обессилит. Злоба была сильнее осторожности. Кинулась да промахнулась, закусилась не крыло, а ногу, повисла на взлетающем лебеде.

Отощавший Полкан, собрав последние силёнки, ухватился лисе за хвост. Дёрнул и отодрал хищницу от улетающей птицы. Раскрутил её и бросил. Хвост не отпустил. Так и полетела негодяйка, без хвоста, плюхнулась со всего маху в холодную воду.

Вынырнула, ошалело оглянулась и поскакала в лес.

– Уходи из нашего леса! – крикнул ей вслед Полкан – Без хвоста ты не лиса, а морская свинка. Агу, рыжая свинья, агу!

Бежала лиса быстро, прижимая уши. Слышала, как хихикает над ней лес, как смеются зайцы и птицы, как ухает филин. Поняла, нечего ей больше делать в этом лесу.

Полкан, прибежал домой, начал есть. Всё никак не мог отъесться, потом загрустил, затосковал. Каждую ночь, смотрел он на жёлтую луну. Подвывал, тихо-тихо, чтобы не слышал хозяин. Не хотел его будить, не хотел делиться тоской. Чем бы хорошим, а тоской не хотел.

Зима для Полкана длилась долго. Она была снежной и солнечной, но радости собаке не приносила. Раньше он с удовольствием купался в снегу, бегал за хозяином по льду озера, играл с ним в догонялки. А в эту зиму он ждал.

Наконец, в воздухе зазвенела капель. Птицы стали стрекотать громче. На озере появились промоины. На утренней заре Полкан прибежал к тому месту, с которого улетел лебедь. Вытянув шею, всматривался вдаль.

Лебединую стаю он заметил сразу, как только та появилась из-за горизонта. Она летела, то показывалась, то скрывалась в облаках. Стая, чуть не долетев до озера, резко свернула.

– Опять не мой! – горько вздохнул Полкан и собрался уходить, решив последний раз посмотреть вслед улетающим птицам.

Вдруг от стаи отделился красивый белый лебедь, он летел прямо на Полкана. И, тормозя крыльями о воду, причалил прямо к тому месту, где стоял пёс.

– Привет, отец, вот и я! – лебедь положил у ног собаки большой, жёлтый банан. – Это тебе гостинец из дальней страны.

Пёс, присев на задние лапы, с нежностью посмотрел на птицу

– Спасибо, сынок, к несчастью, я не ем бананы. Но всё равно приятно! – Полкан потёрся мохнатой мордой о белое крыло лебедя. – Давай рассказывай, где был, что видел?

О кроте и кролике

Крот Прохор был ещё очень молод, ему едва исполнилось три годика. Это не мешало ему жить самостоятельно, отдельно от родителей. У Прохора была своя благоустроенная норка, она досталась кроту от бабушки, когда та совсем состарилась и ушла жить на небо. В этой норке кротик был полным хозяином. Мама иногда приходила к Прохору посмотреть всё ли у него в порядке: пожурить за разбросанные игрушки, за невымытую посуду, за неубранную постель. Но сделать этого она не могла, по той простой причине, что у Прохора не было разбросанных игрушек, грязной посуды и постель была всегда прибрана. Прохор считал себя большим аккуратистом. Так оно и было на самом деле. У него начинало чесаться за ухом, если в его норке вдруг неожиданно появлялся малюсенький беспорядок. Прохор тут же бросался его устранять. От роду кротик был сильно подслеповат, как и все кроты в мире. Это его не беспокоило, потому что жил он под землёй, в полной темноте. На поверхность выходил редко, и только для того, чтобы пополнить запасы зерна в своих хранилищах. Походы наверх Прохор старался делать ночью. Ночью удобнее – никто не мешал. Люди с полей уходили спать в свои жилища, тракторы засыпали прямо на поле. Они спали так крепко, что ничто не могло их разбудить. Прохор спокойно набивал щёки зерном, возвращался в свои хранилища и укладывал на полки новые запасы. Ему очень нравилось, как он живёт, как проводит время. Аккуратно разложив зерно по кучкам, он принимался считать свои запасы. Считал долго с удовольствием. Чем запасов становилось больше, тем прекрасней и радостней делалась его жизнь. Считал Прохор вовсе не от жадности, нет, нет! Просто он любил складывать, вычитать, прибавлять и умножать. Арифметика была его страстью. Что же ещё он мог считать, как не зерно? Прохору было интересно, очень интересно! Никакой другой жизни кротик не хотел.

Однажды, как всегда ночью, Прохор вылез из своей норки и потрусил на поле. Днём солнце подсушило солому так, что к вечеру, она звонко похрустывала под лапками Прохора.

– Хрусть-хрусть, хрусть-хрусть! – повторял кротик вслед за соломой – Раз хрусть, два хрусть, три хрусть...

– Ой! Ой! Ой-ё-ёй! – раздаётся посторонний звук. Кротик прислушался. Звук шёл из-под гусеницы трактора. Прохор быстро обежал трактор и наткнулся на раненого кролика.

У бедняги гусеницей зажало лапку, она сломалась. Кротик попытался вытянуть кролика, но тот закричал так, что почти разбудил трактор. Трактор забубнил, но быстро успокоился.

– Ой! Ой-ё-ёй! Моя лапка, моя лапка! – плакал кролик. – Не тяни, больно!

– Как, тогда, я тебя освобожу? – задумался Прохор. – Выход один, надо делать подкоп!

Кроты большие мастера делать подкопы. Вынув землю из – под лапки кролика, Прохор освободил бедолагу.

– Как ты здесь оказался, домашнее животное? Ты же не заяц по поля бегать? – поинтересовался кротик. – Как тебя зовут?

– Зовут? Как обычно, Крош! – зашмыгал носом кролик. – Из дома сбежал! Совсем затискала меня Алиса, моя маленькая хозяйка. Я – подарок ей на день рождения от бабушки! Каждое утро она играла со мной. То собачкой меня представляла – ремешок на шею пристёгивала. То куколкой – в пелёнки заворачивала. Мочи больше не было терпеть, и я сбежал. Не вернусь больше к ней!

– Это правильно! – одобрил решение кролика Прохор. – Нечего избалованным девчонкам потакать! Ты же не игрушечный? Живой! Гордость свою имеешь! Значит, идти тебе некуда? Придётся нести тебя к себе. Негоже раненного бросать, вылечу тебя, тогда побежишь куда хочешь!

На том и порешили. Кротик хорошо ухаживал за кроликом. Приносил ему лечебные травы, заваривал чай с душицей. Сломаную лапку привязал к палочке, чтобы она правильно срослась. Крош быстро поправлялся. Когда лапка совсем зажила, кролик сказал кроту:

– Спасибо тебе Прохор, ты хороший друг. Я перед тобой в неоплатном долгу. Может, побегим вместе мир посмотреть?

– Чего его смотреть? – удивился кротик. – Здесь у меня есть что посмотреть, гляди – красотища какая!

Прохор распахнул двери хранилища, в нём золотыми горками лежало спелое пшеничное зерно.

– Впечатляет? – подбоченясь, гордо спросил Прохор.

– Красиво, нечего сказать! – подтвердил Крош. – Но на свете есть много других чудес!

– Например? – улыбнулся кротик.

– Ты слышал, как у озера, на утренней заре, лягушки хором прекрасную песню поют?

– Подумаешь! – засмеялся Прохор – Не поют, а квакают, спать мешают, безобразницы!

– Ты видел, как по степи несётся таун, гривы вразлёт, впереди вожак. Силища какая, мощь, аж дух захватывает!

– Ну, уж нет! – замахал лапками Прохор. – Топают так, что с потолка норки земля осыпается, прибирай потом за ними. А гул стоит какой? Голова болеть начинает, лекарства приходится пить.

– А радугу на небе ты когда-нибудь видел? – не унимался Крош.

– Откуда ты всё это знаешь? – удивился Прохор. – Ты же в клетке сидел. Нигде не был, ничего не видел.

– Отец моей маленькой хозяйки, охотник, – мечтательно произнёс кролик, – слышал я его рассказы. Захотелось самому посмотреть. Говорил он, когда на радугу смотришь, мурашки от счастья по телу бегут. А если её, радугу, хоть раз в жизни, не увидишь – всё! Жизнь прошла зря.

– Зря говоришь? – задумался кротик – Как же я её увижу, если я слепой! Пелена у меня на глазах от рождения!

– Пустяки! – обрадовался Крош. – Побегали к дятлу, он лучший в лесу глазной врач, осторожно клювиком пелену вмиг снимет!

– Больно будет, я боюсь! – замялся кротик.

– А мурашки, а радуга?! – вскрикнул кролик. – Ты же никогда её не увидишь!

– Пошли! – решил Прохор.

Выслушав друзей, дятел удивился:

– Зачем это тебе, Прохор? Ты в норе живёшь, там темно, глаза не нужны!

– Радугу хочу увидеть! – тихо ответил кротик.

– Радугу?! – ещё больше подивился дятел. – Хочешь радугу увидеть? Молодец! Открывай глаза шире, будем снимать пелену.

– Ну, что разве больно? – спросил друга Крош, после того как дятел закончил операцию.

– Нет, не больно. Вот это и есть радуга? – разочарованно спросил кротик, глядя в голубое небо.

– Что ты! – засмеялся дятел. – Радуга будет в полдень. После дождя. Когда солнышко умоется, заискрится в капельках, улыбнётся, вот тогда будет радуга! Идите вон на тот холмик, оттуда радугу лучше всего видно!

Друзья успели прибежать на холмик вовремя, дождик начал накрапывать, а потом пошёл быстрее и быстрее. Облако из большой мокрой тряпочки превращалось в маленькую. Солнышко, наконец, выглянуло, открыло глазки, протёрло их оставшимся кусочком облачка, и выпавшиеся глазки засияли. Солнышко улыбнулось. Тогда по небу разлилась РА-ДУ-ГА! Радуга была похожа на большое, разноцветное коромысло. Коромысло искрилось таким многоцветьем, что невозможно было понять, где красный цвет переходит в оранжевый, оранжевый в жёлтый, жёлтый в зелёный, зелёный в голубой, голубой в синий, а синий в фиолетовый. Радуга повисла над головами изумлённых друзей и замигала им жёлтым цветом.

– Внимание, внимание, это я! Красивая, правда?!

– Ну, как, мурашки от счастья по телу побежали? – спросил Крош Прохора.

– Побежали! – тихо ответил кротик, не отрывая глаз от радуги. – Спасибо тебе, друг! Я у тебя в неоплатном долгу!

– Квиты! – радостно ответил кролик.

О белом грибке и белке

Он появился на свет Белым грибом. Едва-едва показавшись из материнской грибницы, к слову сказать, грибница, это та колыбелька, из которой произрастают все грибы на свете, он уже знал, что он не просто гриб, а царь грибов – благородный белый гриб Боровичок. Его грибница-колыбелька примостилась на корнях могучего дуба. Она предусмотрительно прикрылась от чужих глаз одеяльцем из дубовых прелых листьев. Как раз они-то и поведали новорожденному грибочку, о том, что на всём белом свете нет вкуснее и изысканнее его. Они нашептали малышу, что повара только и мечтают заполучить Боровичка для приготовления вкуснейшего блюда, достойного королевского стола. Они убедили несмышлёныша, что именно это блюдо, будет самым настоящим сокровищем мира. И слава его, белого гриба Боровика, будет огромная и неувядаемая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.